
А у Дмитрея дети: Ондреи да Иван, оба были в боярех, да Михаило.
А у Ондрея дети: Семен Плот, да Василей Веселица, да Григорей Мамон; и тот Григорей Мамон окольничей был у великого князя Ивана.
А у Семена у Плота сын Василей, бездетен.
А у Василья у Веселицы дети: Семен да Костентин. //
А у Семена сын Михаило, бездетен.
А у Григорья у Мамона дети: Иван Большой, да Федор, да Иван Меньшой, все бездетны.
А у другово сына у Дмитриева Александровича у Ивана дети: Данило да Дмитрией.
А у Данила дети: Иван да Ондрей, бездетен, да Дмитрией, да Федор, бездетен, да Михаило.
А у Ивана Даниловича дети: Семен, да Яков Устьлюм, да Степан, да Дмитрией, да Иван, да Петр.
А у Дмитрея Даниловича дети: Василей. //
А у Устьлюма дети: Михаило, да Федор, да Семен, бездетен.
А у Дмитрея Иванова сына дети: Михаило Шерап в Литве, да Иван, да Петр, да Василей, да Федор, да Угрим, да Устьлюм.
А у Ивана дети: Никифор да Федор.
А у третьевово сына у Дмитриева Александровича у Михаила дети: Иван Большой, бездетен, да Григорей.
А у Григорья дети: Семен Внук, да Олександро Белои, да Иван Старои.
А у Семена у Внука дети: [Тимо]²феи да Иван Внуковы.
А у Олександра Белово дети: // Василей да Петр.
А у Ивана Старка один сын Василей.
(ОР РГБ. Ф. 256. Собрание рукописей Н. П. Румянцева. № 349. Л. 252 – 253 об.)

² Приписано позднее др. почерком, но теми же чернилами.

(Продолжение в следующем номере журнала)

С. М. Шамин

К ВОПРОСУ О ЧАСТНОМ ИНТЕРЕСЕ РУССКИХ ЛЮДЕЙ К ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЕ В РОССИИ XVII СТОЛЕТИЯ¹

На протяжении XVII в. русское правительство тратило огромные силы и средства на получение известий из-за рубежа. Их сбором ведали Посольский и Разрядный приказы, при Алексее Михайловиче — приказ Тайных дел. С середины XVII в. значительное место в потоке «вестей» занимала иностранная пресса, которая к концу 60-х годов XVII в. превратилась в один из основных источников оперативной информации о событиях в Европе². Поступавшие в приказы сведения предназначались исключительно для государственных нужд. Подавляющее большинство переведенных в России статей из иностранных газет содержало политические известия, которые были необходимы русскому правительству для формирования внешнеполитического курса страны. В настоящее время известны имена многих приказных служащих, дипломатов, членов Боярской Думы и, наконец, самих государей, которые регулярно

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 05-01-01164а).

² Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. М., 1988. С. 142–201.

знакомились с «курантами» (так во второй половине XVII в. в России называли иностранные газеты, их переводы и компилятивные обзоры иностранной прессы). Встает вопрос: было ли регулярное знакомство с прессой делом чисто профессиональным (тогда переводы иностранной прессы следует рассматривать только как дипломатическую документацию в одном ряду со статейными списками посольств) или в некоторых случаях можно предполагать непрофессиональный, познавательный интерес к текстам такого рода?

В связи с этим необходимо выяснить: 1) кто из русских людей знакомился с сообщениями иностранной прессы (хотя бы единичными) вне своих профессиональных служебных обязанностей; 2) какими путями данные материалы попадали к «читателю»³; 3) что из сообщений заграничных информационных изданий представляло интерес для русского «читателя».

Основная цель исследования — собрать все имеющиеся на сегодняшний момент сведения о «читателях» иностранной прессы и составить их обобщенный социокультурный портрет. При этом особое внимание будет уделено известиям, которые характеризуют отношение человека к европейской культуре и образованности, а также к русским национальным традициям. Необходимо учитывать и данные о пристрастии «читателей» переводов иностранной прессы к собирательству редкостей, поскольку коллекционирование и систематизация раритетов являлись важной составляющей культуры барокко, а подобные тексты можно рассматривать как своеобразные литературные «диковины». Анализ данного материала позволит по-новому взглянуть на некоторые особенности процесса формирования в России читательской аудитории, свойственной эпохе Нового времени.

Еще в начале XX в. А. И. Соболевский отметил присутствие в ряде литературных сборников XVII столетия переводов иностранных газет, летучих листков и некоторых других материалов с вестями, которые попали в сборники через Посольский приказ⁴. Однако Соболевского интересовали тексты переводов, а не их «читатели». Д. К. Уо, исследуя русские переводы европейских памфлетов, направленных против Турции, уделил много внимания самым разным людям, так или иначе связанным с подобными переводами⁵. Задачу выделить непрофессиональных «читателей» Уо в своей монографии не ставил. Кроме того, исследование американского ученого было ограничено «турецкой» тематикой. А. С. Лавров дал яркие характеристики целому ряду «читателей» переводов эсхатологического известия о появлении в Европе двух старцев-пророков, в которых современники видели Илью и Еноха⁶. Лавров рассматривал эти тексты как эсхатологические сочинения российского происхождения. К сожалению, большая часть интереснейших наблюдений Лаврова относится к 30-м годам XVIII столетия, что вне хронологических рамок нашего исследования. Можно назвать и другие сочинения, где авторы уделяют внимание личностям владельцев переводов иностранных информационных изданий⁷. Таким образом, в науке накоплен достаточно большой объем требующих обобщения сведений о русских людях, частным образом знакомившихся с переводами иностранной прессы.

Пометы на переводах иностранной прессы, сохранившиеся в Ф. 155 РГАДА, позволяют сделать вывод, что, начиная с Алексея Михайловича, все русские правители XVII столетия с большей или меньшей степенью регулярности заслушивали переводные обзоры иностранной прессы. Однако сам факт «заслушивания» таких переводов не позволяет априорно предполагать что-то кроме

³ Поскольку читательской аудитории в современном смысле этого слова в XVII в. не существовало, слово «читатель» в данной статье употребляется в кавычках.

⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903. С. 240–250.

⁵ Waugh D. C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

⁶ Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 248–256.

⁷ Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. 1947. № 95. Серия исторических наук. Вып. 15. С. 93–106; Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов // ТОДРА. СПб., 1999. Т. 51. С. 463–476; Уо Даниэль. История одной книги. СПб., 2003.

профессионального дипломатического интереса. За весь XVII в. удалось найти всего несколько случаев «непрактического» внимания русских государей к иностранной прессе. Самый ранний из них относится к 1652 г. В этом году на обороте одного «перевода с вестового письма» была сделана очень необычная помета: «Государю чтена. Изволил государь пречесть сам вслух при боярех октября в 13 день»⁸. Документы на заседаниях Боярской Думы, как правило, зачитывали думные дьяки. Приведем текст, который произвел на государя столь сильное впечатление, что он взялся исполнять дьяческие функции: «В Аглинской земле парламентскому владению дивно кажетца и мирским людем в уделех нелюбо становитца. А в Лундене мирские от великих податей и поборов и о том, что торговые промыслы стали, на сих днях зволновались. Толко их вскоре утишили потому, что салдаты у них на шее лежат и вместе им соититися нелзе. И мирские люди при отставлене королевском чаяли свободны бытъ и по своей воли жить. Толко ныне от себя обмануты видят и для того всяк избавленья себе уповае...»⁹. Как видим, Алексей Михайлович лично зачел боярам документ, свидетельствующий о благодетельности царской (т. е. его собственной) власти для народа и бессмысленности бунта против законного государя. Внешнеполитическая информация об изменении ситуации в Англии была в данном случае для Алексея Михайловича явно вторична. Другие, даже более важные, документы с «английскими» известиями такого внимания не удостоивались.

Следующий случай относится к 22 февраля 1659 г. В этот день Алексей Михайлович дал думному дворянину А. Л. Ордину-Нащокину роспись того, что нужно привезти из-за границы. Десятым пунктом он затребовал «Лист печатной о государеве походе», ниже под № 11 добавил «И всем государевым трем походам». Дальнейший ход размышлений монарха на эту тему зафиксирован в последнем, двенадцатом пункте: «Вести изо всех государств ежемесяц»¹⁰. Мы видим, что «тишайший» государь в первую очередь заинтересовался тем, что в иностранных газетах сообщают о нем, и лишь потом пожелал регулярно получать новости из Европы¹¹. Впрочем, русские правители и позднее постоянно интересовались, что же пишут о них за границей¹².

О младшем сыне Алексея Михайловича, Петре Алексеевиче, мы знаем, что он «тешился» иностранной прессой в один из очень сложных моментов своей жизни. В самом конце зимы и ранней весной 1696 г. Петр I, несмотря на больную ногу, занимался в Воронеже строительством кораблей, которые во время предстоящего летнего похода должны были блокировать Азов со стороны моря. На строительстве ощущалась острейшая нехватка мастеров¹³. В это время среди переводов иностранной прессы появилось сообщение о том, что подрядчик, взявший на себя постройку каменной стены вокруг города Динанта, договорился относительно работников с дьяволом, который и выслал из ада большое число искусных каменщиков. О том, что перевод статьи со столь животрепещущим для Петра сюжетом привлек его внимание, мы узнаем из писем к царю от Андрея Бутенанта фон Розенбуша. В письме от 25 марта 1696 г. Бутенант пишет: «О новых каменщиках после того иные вестей нет, а курант, в которое тои напечатено, у мене в бережение для свидетелство. Я бил челом Кондратью Фомичю о подводе, чтоб послал в ад для подлино ведомость, и он мне сказал, что емщики дороге не знает». Петр I долго не оставлял этой шутки. В письме Бутенанта к Петру от 15 апреля 1696 г. (ответ на царское послание от 7 апреля) мы вновь читаем: «О каменщиках после тово в курант ни какова весте не написано; знатно, что ушли в ад. Не без тово, что из-за моря и отсуде тудис ездоков многи, толка назад не бывает»¹⁴.

⁸ Вести-Куранты. 1648–1650 гг. / Издание подготовили Демьянов В. Г., Бахтурина Р. В. Под ред. Коткова С. И. М., 1983. С. 5.

⁹ Вести-Куранты. 1651–1652, 1654–1656, 1658–1660 гг. / Издание подготовил Демьянов В. Г. Под ред. Вомперского В. П. М., 1996. С. 89.

¹⁰ Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 109.

¹¹ Данное пожелание Алексея Михайловича удалось реализовать только 6 лет спустя.

¹² Подробнее об этом см.: Шамин С. М. Борьба Русского правительства против распространения в европейских печатных изданиях негативных и ложных сведений о Московском государстве (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 116–118.

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. Т. XIII–XIV. С. 514.

¹⁴ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 551, 562.

Без сомнения, на протяжении второй половины XVII столетия правители России находили среди выполненных в Посольском приказе переводов иностранных газет и другие «занимательные» известия. Однако о том, какие тексты несли серьезную информацию, а какие были развлекательными, мы можем лишь строить предположения, доказать которые невозможно. Только в период правления Петра II (1729 г.) в Коллегии иностранных дел наряду с обычными «выписками из курантов», необходимыми для работы внешнеполитического ведомства, начали составлять отдельные «куриозные» обзоры иностранной прессы¹⁵.

Совсем иначе дело обстоит в том случае, когда у нас имеются сведения о том, что те или иные материалы были специально отобраны для рукописных четких сборников. Любо́й переписанный в книгу документ обязательно был интересен или переписчику, или заказчику. Бесспорны также случаи, когда перевод попадал к «читателю» незаконно и причина интереса к данному тексту отражалась в следственной документации. При таком подходе к отбору материалов нам пришлось отказаться в данном исследовании от привлечения некоторых имен, в которых, казалось бы, без всякого сомнения, можно видеть «читателей» иностранной прессы. Не удалось найти свидетельств, однозначно говорящих о непрофессиональном интересе к иностранной прессе со стороны таких ярчайших представителей образованной части русского общества, как А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын и А. А. Виниус, которые, разумеется, были очень хорошо знакомы с «курантами». Среди них А. С. Матвеев и В. В. Голицын сами упоминаются на страницах переводов иностранных газет¹⁶. Скорее всего, все эти люди интересовались иностранной прессой не только как профессиональные дипломаты. Однако доказательств этого на данном этапе исследования не обнаружено.

Почти каждый случай, благодаря которому современный исследователь узнает имя частного лица — владельца перевода сообщения с зарубежными «вестями», обычно связан с каким-то исключительным стечением обстоятельств (если, конечно, имя не стало известно благодаря владельческой записи на книге). Наиболее ранний из зафиксированных в литературе фактов попадания «листочков» с зарубежными новостями в руки простого горожанина, не причастного к государственному управлению, относится к 1642—1643 г.

Дело началось с того, что арестованный за разбой и находившийся в заключении поляк Данил Рябицкий «сказал за собою великого государя верхнее дело». Он донес на Офоньку Науменка — своего соседа по тюрьме, бывшего стрельца, конюшенного холопа боярина И. Ф. Стрешнева. Будучи пьяным, Офонька хвастался, что сделал золотую цепь, которую сам И. Ф. Стрешнев носил к царице. На честное имя государевой супруги пала тень. Началось следствие. Выяснилось, что Офонька ювелирного дела не знал, а Стрешнев никаких подарков царице не подносил. Скорее всего, Офонька просто выдумал всю историю с золотой цепью, чтобы похвастаться перед собеседниками. Выслушав это дело, царь разгневался и указал «Офоньку Науменка пытать по какому он умышлению про государыню царицу и великую княгиню Евдокию Лукьяновну непригожее слово, про которое на него Офоньку извещал иноземец, Данилко Рябицкой говорил. И не знает ли он, какова ведовства и воровских заговоров»¹⁷.

Последний вопрос царя оказался для Офоньки роковым. Началось новое следствие, которое сопровождалось жестокими пытками. Перед следователями стояла теперь задача не выяснить, что же произошло на самом деле, а подтвердить конкретную (и очень важную для государя) информацию. Под пыткой злосчастный Офонька быстро «сознался», что собирался царицу «портить и уморить до смерти». Этот способ избежать мучений оказался неудачным. Следователи не удовлетворились простым признанием. Их интересовали все обстоятельства злодеяния и имена тех, кто его, Офоньку, на это дело «научал». Науменок, чтобы хоть на время прекратить пытки, стал называть случайные имена.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 11. Иностранные газеты. Оп. 11/1. 1729 г. Ед. хр. 186.

¹⁶ Богданов А. П. Внешняя политика России и европейская печать (1676—1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 28.

¹⁷ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18. Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. — 20 мая 1643 г. С. 270. Первая публикация: Зерцалов А. Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыское дело 1642—1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895.

Среди стрельцов и пушкарей, бывших сослуживцев Офоньки, начались обыски и допросы. В числе оговоренных стрельцов оказался Гришка Казанец. Про него Офонька сказал, что тот знает, кто хотел испортить царю, и что Гришка «заставлял по себе стрелять свою братью стрельцов ис пиццалей, и ево де пиццали не имут». При обыске на дворе у Гришки Казанца нашли корни и травы, раковины... Некоторые из предметов показались следователям очень подозрительными: «а иное сказывают громовая стрелка да чортов палец». («Громовые стрелы» — кремниевые наконечники стрел эпохи неолита и ранней бронзы, «чертовы пальцы» — ископаемые раковины характерной вытянутой формы, которые деревенские «знахари» использовали в магических целях вплоть до начала XX в.) Григорию и его жене Катерине пришлось оправдываться перед следствием.

Оказалось, что Казанца и его супругу подвела обычная любознательность: «Обломок камня, Катеринка сказала, дуб лежал в воде и окаменел, а она держала у себя для диковины». Про другие предметы Григорий объяснял, что «он же привез ис Поморя траву. Имя ей богородицына да раковины морские для показаня»¹⁸. В домашнем «музее» Казанца обнаружилась и рукописная «диковина» — часть перевода с вестового листа или рукописной газеты. Его происхождение тоже оказалось вполне невинным. «А што де у него вынято письмо, — говорил следователям Казанец, — а написано в нем проявился мессия и то де письмо дал ему розрядной подьячей Федор Семенов с ыным писмом на заряды (т. е. для использования в качестве ружейных пыжей. — С. III.) и он де Гришка прочетчи то писмо подивился».

«А Розрядново приказу подьячей Федор Семенов в допросе сказал: прашивал де у него тот стрелец Гришка бумаги на заряды, и он де Федор ему де ис под стола драную бумагу на заряды давал и нешто де будет то писмо дал в драной бумаге, а писаны де те вести в отписке изо Пскова и та де отписка в Розряде и ныне есть (скорее всего, речь идет о выброшенном черновике. — С. III.)». Привлекший внимание Григория Казанца листок рассказывал: «Дума розная есть как римской цысар в празник с бояры и з думными со многими людми и над ним носят покров над головою четыре человека и тогда как он ходил над ним вверху показывался орел и как цысар пришел на свой двор и тот покров с него сняли и тот орел сверху упал на землю мертв всяких чинов многие люди видели и они в сумнение что от того проявленья будет»¹⁹. Содержало это письмо и сообщение о появившемся в «Калабрейском королевстве» пророке. Как видно, Казанца привлекло сообщение о чуде, а не какая-то внешнеполитическая информация. «Естественно-историческая» коллекция московского стрельца выдает в нем человека неординарного, любознательного. Вестовое письмо из Розрядного приказа стало для него очередной «диковиной».

Еще один перевод вестового листа, попавшего в частные руки, обнаружил А. Г. Бобров в рукописном сборнике Королевской библиотеки в Копенгагене. Состав сборника чрезвычайно пестр. В него вошли списки: «Слова» Даниила Заточника, Софийская I летопись, «Роспись Китайскому государству» 1618 г., Физиолог (фрагмент), «Хождения»: в Царьград Антония Новгородца, по Святым местам Василия Познякова, к султану турецкому в 1570 г. посла Андрея Шеина, князя Темрюка в «Мошанскую» землю в 1593 г., Послания Ивана Грозного к цесарю Максимилиану и к султану Селембеку, Повести о царице Динаре, Китоврасе (в редакции Палеи), о нашествиях Тохтамыша и Темир-Аксака, о приходе Стефана Батория на Псков, о Псковско-Печерском монастыре, о взятии Пскова в 1510 г., о явлении иконы пресвятой Богородицы во Врониче (на Синей горе), выписки из Псковской летописи и др. В него же вошел перевод с вестового письма, составлявшего, возможно, часть рукописной газеты: «Лета 7153 [1645], апреля в 20 день, перевод с немецкого письма, каково письмо подал воеводе князю Алексею Федоровичу Лыкову да дьяку Григорию Углеву Посольского приказу переводчик Матфей Верес. А сказал, дал де ему то письмо на Гостине Немецком дворе галанского немчина Албрехта фан до Блока приказчик Еганко фан Стадон. А к нему то писмо прислал

¹⁸ Там же. С. 273.

¹⁹ Там же. С. 254–276; РГАДА. Ф. 210. Приказн. стол. Стб. 139. Л. 1–9.

июня в 5 день ис Печерского монастыря хозяин его Албрехт фан до Блок. А то де письмо прислано из Риги у датских немец свейскими то же лето меж собою»²⁰.

Вестовое письмо включало известия о военных действиях турецкого флота и чудо: «В сонце было великое знамение, и переменалось и красным, и черным, и после того и от солнца пали крованые ядра в 15 гривенок, а ино десять. А что будет, то Бог весть»²¹.

А. Г. Боброву удалось точно идентифицировать всех людей, упомянутых в заглавии письма. Фон Стаден и фан дер Блок были агентами Петра Марселиса, который снабжал вестями о европейских событиях А. Л. Ордина-Нащокина. Но что самое интересное для данной работы, А. Г. Бобров определил владельца этого чрезвычайно любопытного сборника. Им оказался один из руководителей Псковского восстания 1650 г. стрелец Димидка Воинов²². К сожалению, в данном случае оказалось невозможным проследить, как перевод вестового письма попал в руки псковского стрельца. Скорее всего, как и в случае с Григорием Казанцем, это произошло при посредстве кого-нибудь из псковских приказных служащих — упомянутый в заглавии вестового письма А. Ф. Лыков был воеводой во Пскове, а Г. Углев — дьяком. Сборник позволяет выяснить и круг интересов будущего вождя восставших псковичей. Кроме сочинений духовного содержания стрелец интересовался историей и географией. Особое внимание он уделял своему родному Пскову.

Переводы с иностранных информационных изданий хранил у себя боярин, двоюродный брат царя Михаила Федоровича и дядя Алексея Михайловича. После его смерти в 1654 г. по царскому указу была составлена «Роспись всяким вещам деньгам и запасам, что осталось по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова». В ней говорится, что «165 (1657) году... февраля в 23 день пожаловал государь... Воротынского велел ему дати из животов боярина Никиты Ивановича... Шкатулу немецкую, а в ней... перевод с польского письма, как женился Владислав король на цесаревне. Да с курантов перевод, у него начала нет»²³. Выяснить, что же за «перевод с курантов» хранил в шкатулке Романов, не представляется возможным, но упомянутый перед курантами «перевод с польского письма, как женился Владислав король на цесаревне» явно к 1654 г. не являлся актуальной внешнеполитической новостью. Скорее всего, Романов сохранил этот документ из-за описания самой церемонии. Как свидетельствуют рукописные сборники, подобного рода известия могли вызывать интерес и многие годы спустя.

Никита Иванович Романов был неординарной личностью. Как отметил С. М. Соловьев, этот богатейший вельможа не обладал честолюбием, но пользовался уважением людей из самых разных слоев русского общества. Именно к нему обращались восставшие москвичи в 1648 г. и посланцы псковских «бунтовщиков» в 1650 г. Никита Иванович в обоих случаях постарался смягчить противостояние между недовольными и государственной властью. Романов активно интересовался европейской культурой. По свидетельству А. Оллария, он любил одеваться во французское и польское платье. Соловьев приводит исторический анекдот о том, что Романов был охотником до иноземных обычаев, одевал своих людей в ливрею по иностранному образцу; Никон, которому не нравилась эта новизна, придумал средство избавить царского дядю от греха: попросил у него ливрею, как будто бы для образца, желая сам одеть таким же образом своих служек, но, когда доверчивый боярин прислал ему платье, патриарх велел изрезать его в куски. Именно Никите Ивановичу принадлежал знаменитый бот, который впоследствии использовал для своих детских «потех» будущий царь Петр Алексеевич²⁴. Из принадлежавших Романову книг сохранилась сборная рукопись, содержащая в себе части Степенной и Родословной книг,

²⁰ Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов. С. 463.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 463–476.

²³ ЧОИДР. 1887. Кн. III. С. 60; Сахаров А. Л. О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1964. № 148. С. 595.

²⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен М., 1991. Кн. VI. Т. 11–12. С. 514; Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. II. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000. С. 63.

летописные сказания, послания Ивана Грозного к Курбскому, Житие митрополита Филиппа²⁵. Появление переводов из иностранной прессы в доме такого человека выглядит совершенно естественно.

Гораздо сложнее выяснить, как подобные переводы попадали в руки простых горожан, живших довольно далеко от столицы и приграничных городов. 19 февраля 1665 г. житель города Коломны Исидор Крючков подбросил на полки овощного ряда, где бывало много народа, тетрадь, или листки, с известиями «ис Полимитарского града Сицелеского государства». В сообщении рассказывалось, что в «Полимитарский град» пришли два старца, назвавшиеся пророками и посланные, по их словам, Богом Саваофом. Босые, с непокрытыми головами, в платье «незнакомом», «яко нигде такова не обретохом», питающиеся только хлебом и водой, они чудесным образом подкрепили свою проповедь о близкой кончине мира: из «Полимитарского града» они собирались уехать в Рим, но предоставленное им «возило» на глазах у всех разбилось «во мгновении ока». Далее следовал разделенный по годам перечень пророчеств о скором конце света. Исидор Крючков не только распространял этот текст в качестве подметных писем, но и углем переписывал его на стенах коломенской Вознесенской церкви. Деятельность Крючкова привлекла к нему внимание властей. Он попал в Коломенский архиепископский приказ, где его сочинение было рассмотрено Леонтием Брюзгиным. Крючков поначалу, «оторопев, помысли скрыти и учел запиратися...», но затем, осмелев, принес свои тетради священнику Иоанну. Текст листков, распространяемых Крючковым, дошел до нас в рукописи второй половины XVII в., переписанный вместе с полемическим сочинением священника Иоанна «Слово улично», обличающим эти известия как «живую повесть», излагающую взгляды «капитонов» — раскольников. Из сочинения Иоанна известны дата появления «Повести» в Коломне и дальнейшая судьба ее автора²⁶.

Вслед за Иоанном современные исследователи идентифицировали рассказ о двух пророках и их эсхатологических пророчествах как сочинение Исидора Крючкова. Эта атрибуция сохранилась и в «Словаре книжников и книжности Древней Руси». Данное представление ошибочно. Приписанное Крючкову сочинение было широко распространено в европейских странах. Основой его сюжета являлось «Откровение Иоанна Богослова»²⁷. В Европе сочинение имело антипапскую направленность. Причиной его появления стала острая борьба между католиками и протестантами. Рассказ о двух старцах, обличающих папу римского и предрекающих конец света, неоднократно появлялся в европейских летучих листках и газетах, а позднее попадал в Россию и переводился на русский язык. Известие о приходе старцев вошло даже в украинские летописцы под 1680 и 1683 г.²⁸

Долгая жизнь этого произведения объясняется тем, что при новых изданиях даты пророчеств «подновлялись». Только для второй половины XVII в. в книжных сборниках кроме листов Исидора Крючкова сохранилось еще четыре варианта рассказа о старцах. Для двух из них установлено, что в книжные сборники они попали через Посольский приказ, а один из них удалось обнаружить в составе курантов, предназначенных для царя и бояр (подробнее об этом ниже)²⁹. Любопытно, что в России сочинение теряло свою антипапскую направленность. Причиной его популярности здесь были собственные эсхатологические ожидания, резко обострившиеся после начала раскола в Православной церкви.

²⁵ Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 156–193.

²⁶ Казан М. Д. Крючков Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 201–202. О тексте пророчества и Исидоре Крючкове см. также: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 209–210; Барсов Е. В. Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым, с предисловием. М., 1890. С. 156–157; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб. 1898. С. СХХ, 18–20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46. Примеч. 22, 48, 28, 76–77; Уо Даниэль. История одной книги. С. 49, 294.

²⁷ Откровение Иоанна Богослова. 11: 2–8.

²⁸ Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878. С. 151.

²⁹ Подробнее см.: Шамин С. М. В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–138; Уо Даниэль. История одной книги. С. 48–50, 294–295.

Старообрядцы ждали знамений конца света. Среди таких знаков видное место в старообрядческой эсхатологии занимало явление пророков Ильи и Еноха. Старцы Вавила и Леонид, два видных «капитона», выдавали себя за Илью и Еноха. «Мы де обличаем предотечеву и антихристову прелесть... — говорили они, — и сказывают они всем людем всемирную кончину в нынешнем году»³⁰. Об Илье и Енохе неоднократно писал протопоп Аввакум: «А преж его антихристова царства придут паки на землю плотию Илья и Енох со Иваном Богословом. И полчетверта года проповеди их будет к человеку, та же антихриста со дерзновением обличать по-тонку лесьть его станут». Аввакум же увещевал: «О последнем дне и об антихристе не блазнитесь, еще он, последний черт, не бывал. Нынешние бояре комнатные, ближние друзья его, еще возятся, яко бесы, — путь ему подстилают и имя Христово выгоняют. А как вычистят везде, так еще Илья и Енох — обличители прежде придут, а потом антихрист — в свое время»³¹.

Эти предупреждения Аввакума имели под собой солидную книжную основу. О появлении перед концом света двух пророков-обличителей кроме канонического «Откровения Иоанна Богослова» предупреждали «Евангелие Никодима», «Откровение Мефодия Патарского»³² и «Сказание како убиена будет Илия и Енох Антихристом»³³. На полях некоторых рядовых пасхалий помещались записи, красочно описывающие обличение пророками Енохом и Ильей антихриста³⁴. Позднее, уже в начале XVIII в., сочинение о двух старцах распространялось не только между старообрядцами, но и в среде противников религиозных нововведений Петра I³⁵.

В 1672 г. появляется новый текст, который вскоре стал достоянием рукописных сборников. В нем содержалось описание знамения в небе над Венгрией. Над городом Каша видели крест, три солнца, «три дуги небесныя», «герб турецкой», турецкую саблю, пушку, гранату и др. Текст сопровождался иллюстрацией. Знамение сулило, что три христианских монарха — царь, «цесарь христианский», польский король — объединятся против Турции и одержат победу. Исследователь текста Д. К. Уо выявил четыре русские редакции этого сочинения в семи рукописях (книгах и столбцах)³⁶. Уникальность сообщения о знамении в небе над Венгрией в том, что оно попало в Москву не через почту, как это чаще всего происходило в 70—90-х годах XVII в., и даже не по дипломатическим каналам. Его прислал Варлаам Ясинский, игумен Киево-Братского монастыря и ректор Киевской коллегии. Он увидел это знамение «у немцов»³⁷. Ректора Киевской коллегии даже в начале 70-х годов XVII в. лишь условно можно причислить к российским «читателям». Он был ярким представителем ученого украинского монашества, которое позднее сыграло огромную роль в церковных реформах Петровского времени. Образование Ясинский получил в Эльбинге, Ольмюце и Кракове. Будучи руководителем Киевской коллегии, он искал поддержки как у польского короля, так и у царя Московского. Хорошо зная европейскую культуру, Ясинский очень много сделал для укрепления Православия и позднее стал митрополитом Киевским³⁸.

³⁰ Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700—1740 гг. С. 254—255.

³¹ Аввакум. Книга толкований // ПЛДР: XVII век. Кн. II. М., 1989. С. 428; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. II. Ч. 1. С. 58—59.

³² Евангелие Никодима // Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 827; Откровение Мефодия Патарского // Там же. С. 702.

³³ Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). М., 2001. Т. I. С. 69.

³⁴ Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 109.

³⁵ Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700—1740 гг. С. 249—253.

³⁶ Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г. (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 201—208. Данный текст был введен в научный оборот А. И. Соболевским по рукописному сборнику из собрания Румянцевского музея (Соболевский А. И. Неизданное произведение Варлаама Ясинского // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1900. Кн. XIV. Вып. 1. Отд. 3. С. 26—28) и включен в его каталог переводной литературы (Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. С. 247—248). Позднее его издал по столбцовому переводу из архива приказа Тайных дел И. Я. Гурлянд (Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 380—382).

³⁷ Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. С. 380—381.

³⁸ Поньрко Н. В. Варлаам Ясинский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 157—162.

Особое место среди «читателей» переводов иностранной прессы занимал Ларион Иванович Иванов. Он начал приказную службу дьяком в Новой четверти под руководством боярина Б. М. Хитрово. В 1664 г. Хитрово перевели в Большой дворец, и он взял с собой Иванова. В январе 1669 г. находившийся в Москве старец Иверского монастыря писал в свою обитель о роли Иванова в Большом дворце при боярине Б. М. Хитрово: «...Всякие наши дела не минут его, потому что он всегда у боярина, а его жалует». 2 октября 1669 г. Иванов был пожалован в думные дьяки и в тот же день впервые получил свой приказ — Стрелецкий³⁹. Стрелецкий приказ, кроме всего прочего, исполнял и полицейские функции. В результате Иванову пришлось принять участие в борьбе со старообрядцами. Его имя регулярно фигурирует в старообрядческих сочинениях. В них Иванов выступает как добросовестный и исполнительный слуга государя.

В 1670 г. глава Стрелецкого приказа участвует в допросах ученика и духовного сына протопопа Аввакума инока Авраамия⁴⁰. Особенно ярко личность Иванова характеризует его поведение во время следствия над боярыней Ф. П. Морозовой и ее сестрой Е. П. Урусовой. 16 ноября 1671 г. по решению царя и Думы архимандрит Чудова монастыря (будущий патриарх) Иоаким в сопровождении Иванова пришел арестовывать боярыню Морозову. На месте обнаружилось, что Морозова ожидает их прихода не одна, а вместе с княгиней Урусовой. Столкнувшись с супругой одного из влиятельных думцев, Иванов отказался даже допрашивать ее. Сделал он это только после того, как Иоаким взял ответственность за допрос на себя. Проявленный первоначально пиетет не помешал главе Стрелецкого приказа позднее, после получения соответствующего распоряжения, руководить пыткой мятежных сестер⁴¹.

Мы не случайно остановились подробно на участии Иванова в преследованиях старообрядцев. Эта сфера деятельности думного дьяка позволяет нам лучше понять причину его интереса к переводам отдельных известий зарубежной прессы. Работать с такого рода документами он начал в 1676 г., когда после опалы А. С. Матвеева возглавил Посольский приказ. 4 сентября 1676 г. Ларион Иванов лично зачитывал переводы иностранной прессы государю и боярам. На обороте титульного листа переводов от 2 сентября имеется помета: «185-го сентября в 4 день великому государю в комнате чтено, при комнатных боярах, чол думной дьяк Ларион Иванов»⁴². Иванов не был профессиональным дипломатом. Его имя не встречается в документах в связи с заграничными посольскими службами⁴³. Столь ответственное назначение было данью его исполнительности и административным талантам. Судя по документам, он занимался в основном финансовыми, организационными, кадровыми проблемами приказа (иногда с участием В. Бобинина, Е. Украинцева и П. Долгово)⁴⁴. Регулярное (входящее в служебные обязанности) ознакомление с иностранной прессой не могло не расширить кругозор думного дьяка, хотя его личного интереса к этим документам источники не фиксируют до осени 1680 г.

12 сентября 1680 г. через Виленскую почту в Посольский приказ был прислан и переведен там очередной комплект газет из Европы. Среди отобранных для перевода статей оказался материал с пометой «Из Гаги августа в 17 день». Сообщалось, что в город Ставолос пришли два человека старые и назывались апостолами. На них были невиданные одежды. «Апостолы» сообщили жителям города, что Господь прогневался на «державших римскую веру», обличали грехи, сравнивали Ставолос с Содомом и призывали к покаянию. Старцев арестовали. Их допросили иезуиты. Выяснилось, что родились арестованные «в Галилее в городе Дамасе». Иезуиты хотели сковать старцев и отправить к папе в

³⁹ Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 130.

⁴⁰ Авраамий. Вопрос — ответ старца Авраамия // ПЛДР: XVII век. Кн. II. С. 508, 521, 522.

⁴¹ Повесть о боярыне Морозовой // ПЛДР: XVII век. Кн. II. С. 459, 460, 473.

⁴² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 6 об.

⁴³ Беляков А. В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. Дисс. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. М., 2001. С. 31—101.

⁴⁴ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. II. С. 44—59; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 12. 1677 г. Д. 7. Л. 112. 1680 г. Д. 4. Л. 1—11, 26, 27, 148, 297; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 53.

Рим, но оковы спали с «апостолов». После этого старцы заявили, что сами рады идти в Рим. Они предсказали скорый конец света, который должен произойти в течение 7189 (1680/1681) — 7198 (1689/1690) г. Предполагалась следующая последовательность событий: война везде, папам не быть, пророчество «апостолов» распространится по всей вселенной, явится Христос, восстанет некий «великий человек», произойдет «великое трясение земли», сгорит Африка, во всех четырех частях света произойдут великие чудеса, Господь придет на землю судить живых и мертвых, и, наконец, настанет «великий и просвещенный» день⁴⁵. Очевидно, что этот текст близок к тому, что ранее распространял Исидор Крючков. Перед текстом пророчества был проставлен крест в круге и на оборот вынесена помета: «Сии куранты отдал Ларион Иванович, а пророчество о том дано и для преду подклеено черное о пророчестве». В 1680 г. Иванов не возглавлял Посольского приказа (он покинул этот пост в 1679 г. и вернулся на него в 1681 г.⁴⁶). Появление его имени в помете на курантах, видимо, связано с его работой в Думе или «комнатными» обязанностями. Очевидно, что известие европейской прессы о скором конце света произвело сильное впечатление на гонителя старообрядцев. Иванов не мог не знать о распространенных среди староверов ожиданиях скорого прихода Ильи и Еноха. Он затребовал в приказе справку по данному вопросу. Документы, обнаруженные в результате поисков среди архивных материалов, были подклеены вслед за статьей из Гааги.

Оказалось, что еще в 1678 г. польские послы передали в Посольский приказ сообщение, которое пришло в Яворов из Франции. Там два старца «появились» в городе Мирии. Они проповедовали и обличали, как в Ставолосе и Палермо, родом же оказались греки и говорили на «глад(ц?)ыйском» языке. Старцы также вели прения с богословами, философами и учеными, а после того как их арестовали, чтобы отвезти в Рим, дверь комнаты, в которой старцев заперли, открылась от их крестного знамения. Список пророчеств несколько отличался от обоих упомянутых выше этапами конца света и состоял из двенадцати пунктов. Даты пророчеств приходились на период с 1678 по 1689 г. Кроме того, сообщалось, что данное пророчество подтверждается другим, найденным в Париже. Последнее было написано на еврейском языке на одной из частей каменной гробницы святого Дионисия.

Пророчество из костела святого Дионисия также нашлось в архиве Посольского приказа. Оно оказалось в статейном списке Василия Тяпкина, бывшего резидентом в Варшаве. Парижское известие лишь частично совпадало с привезенным польскими послами текстом. В него входило восемь статей с пророчествами на 1672—1680 г. Во всех пророчествах стабильно повторяющимся пунктом была гибель Африки. Все три сообщения подклеили в столбцы с пометами «для преду», «впредь для спору и для ведома», «впредь для ведома». В конце подборки была сделана помета: «Да таково ж дано думному дьяку Лариону Ивановичу»⁴⁷.

В одной из ближайших почт (25 сентября) обнаружилась еще одна статья на эту тему. Из Утрехта писали о том, что вести «ис Таволоса о двух старых мужах, которых именовали пророками, ныне подлинно о том объявилось, что лож, потому, что в прошлом 1658 г. мая в 21 день в курантах такое ж пророчество в городе Менге обрестись может. И совершенно тогда, что в 1670 г. будет страшной судной день, и то пророчество не сбылось, и потому явно, что и нынешнее пророчество такое ж ложное»⁴⁸. Как видим, не только сотрудники Посольского приказа проводили расследование с целью установить ложность пророчеств «двух старцев».

Скорее всего, данное опровержение и несогласие в прежних пророчествах успокоили Лариона Ивановича. Сообщение же из Гааги попало в состав рукописного сборника (РНБ. Собр. Археологического общества. № 43. Л. 31 (конец XVII в.)). На данный текст обратил внимание еще А. И. Соболевский⁴⁹. Можно с уверенностью утверждать, что летучий листок переписан именно с оригинала Посольского

⁴⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 4—5.

⁴⁶ Беляков А. В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. С. 77.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 6—11.

⁴⁸ Там же. Л. 23—24.

⁴⁹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 248—249.

приказа, а не переведен со случайно попавшей в Россию газеты. Об этом говорит текстуальное совпадение основной части известия. Кроме того, переписчик вставил в текст пояснительную приписку с полей перевода Посольского приказа, в которой указывалось, что Ставолос — испанский город. В том же сборнике имеются и другие переводы иностранной прессы, выполненные в Посольском приказе на протяжении более чем 20 лет (рассматриваемое здесь сообщение хронологически наиболее позднее, кроме него в сборник включены: апокрифическая переписка турецкого султана; переводы статей о коронации польского короля Михаила Вишневецкого; знамение в небе над Венгрией 1672 г.; «знамение в земли Венгерской над градом, нарицаемом Косовия»; «Страшная и неслыханная притча» о жестоком графе, обращенном во пса; известие о военных действиях между Польшей и Турцией, в котором сообщается, что в Каменце польские жены бросают своих мужей и бегут к туркам и др.). Вывод о том, что происхождение данной рукописи связано с Посольским приказом, сделал Д. К. Уо⁵⁰. Обнаруженный в составе обзора иностранной прессы перевод сообщения из Гааги позволяет высказать некоторые предположения относительно личности заказчика данной рукописи. Скорее всего, им был именно Ларион Иванов. Во-первых, он проявил особый интерес к данному тексту, а во-вторых, он был одним из очень немногих людей, которые по своему статусу могли в личных целях предпринять розыск среди документов из архива Посольского приказа. Впрочем, не исключен и вариант, при котором сборник Археологического общества был составлен кем-то из приказных служащих, разыскивавших в архиве по заданию Иванова материалы о бродивших по Европе «Илье и Енохе»⁵¹.

Сведений о том, насколько сам Иванов интересовался европейской культурой и был склонен к собиранию «раритетов», крайне мало. Мы знаем лишь, что 21 октября 1674 г. он участвовал в пире, который Алексей Михайлович устроил для себя и ближних бояр «в новых маленьких хоромцах» в ночь перед праздником Казанской иконы Божьей матери. Данный пир сопровождался очень необычной потехой: «Играл в органы немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накрам, и по литаврам били ж во все». Царь потчевал своих приближенных «вотками, ренским, и романею, и всякими питии, и пожаловал их своею государевою милостию: напоил их всех пьяных». Участники пира разъехались по домам под утро. Эта светская забава была нарушением норм благочестивого поведения и вызвала недовольство патриарха⁵². Данных о том, соответствовала ли она личным вкусам Иванова или же думный дьяк участвовал в ней вопреки своему желанию по воле начальства, нет. Однако первое предположение кажется более верным, поскольку сам факт приглашения Иванова на проходившее в очень узком кругу застолье вряд ли случаен. Так или иначе присутствие на подобном концерте, безусловно, расширило представления Иванова о европейской культуре.

Известия об интересе думного дьяка к «редкостям» появляются при трагических обстоятельствах. Во время восстания в Москве 1682 г. стрельцы убили Иванова вместе с сыном, а их двор разграбили. Там нашли «незнама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти»⁵³. Восставшие увидели в этих «гадинах» некую отраву или колдовство. Находку привязали на длинный шест, на который позднее водрузили и голову казненного ими боярина Ивана Кирилловича Нарышкина. Хотя стрельцы убили Иванова и его сына Василия по политическим мотивам, «гадины» фигурировали в челобитной, где восставшие от имени царей оправдывали свои действия: «...да он же, Ларион, похвалялся, хотел ими безвинно обвешать весь Земляной город вместо зубцов Белого города; да у него ж, Лариона, взяты гадины змеиным подобием... А думного дьяка Лариона Иванова сына Василия убили за то, что он ведал у отца своего на наше государское пресветлое величество злыя отравныя гадины, в народе не объявлял»⁵⁴.

⁵⁰ См: *Waugh D. C. The Great Turkes Defiance. P. 160–161, 228–229.*

⁵¹ Д. К. Уо предположил, что: «In any event, it seems probable that the collection of translations in MS 43 was put together in the early 1680's by someone like Golosov who had direct access to the diplomatic archive» (*Waugh D. C. The Great Turkes Defiance. P. 160*). Предположение Уо основано на том, что Л. Т. Голосов изъезжал из курантов 1669 г. известие о короновании польского короля, которое, вероятно, и стало оригиналом для сборника из собрания Археологического общества. Возможно, Голосов, который в 1680 г. был вторым судьей в Посольском приказе, руководил подбором информации по запросу Лариона Иванова.

⁵² *Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. С. 139.*

⁵³ *Записки о стрельцком бунте // ПЛДР: XVII век. Кн. II. С. 527.*

⁵⁴ *Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С. 96–97.*

Как видим, домашние «редкости» Лариона Иванова вызвали у стрельцов те же подозрения, которые несколькими десятилетиями раньше заставили оправдываться за свой «музей» перед следователями Григория Казанца и его жену. Безусловно, такое отношение к диковинам было свойственно далеко не всем. К примеру, А. А. Матвеев вполне точно определил «отравную гадину» как «редкость»: «Того же дня думные дяки Ларион Иванов и Аверкий Кирилов от них же, стрельцов, сысканы, и побиты, и ругательски на части рассечены, подложкою, невинною оклеветанною их затейностью: что будто бы первый из них, будучи правителем прежним Стрелецкого приказа, напрасно их теснил. И сыскав в его доме, Лариона, рыбу каракатицу, за ядовитую вменили змею и, ругаясь над ним на Красной площади, при его теле приложили...»⁵⁵.

Новый случай появления «вестей» из посольского приказа в рукописных сборниках известных нам владельцев относится к 1689 г. Сборник точно датируется по записи писца: «197-го мияя в 3 день по указу преосвященнаго Афанасия, архиепископа Колмогорскаго и Важеского, сия книга списана пресветлого царского величества стольника у Андрея Артамонова сына Матвеева его архиерейским келейным иждивением». Этот сборник, как указал его исследователь М. П. Алексеев, состоит из следующих сочинений: 1) Новый и старый календарь течений небесных на лето господне *хѣхпд* (1684 г.), 2) Описание Голландии и некоторых других мест, 3) Повесть о славном астрологе Мустаеддыне, 4) «Сказание, как английскаго короля Карлуса Стюверта казнили и что его величества последние слова были». Алексеев установил, что оригиналом для «Сказания» является перевод английскаго роялистскаго памфлета, составленнаго в эпоху английской революции, и предположил, что «возникновение русского перевода с большей вероятностью следует отнести к началу 50-х, чем к концу 80-х г. XVII в., и что, следовательно, рукопись, находившаяся у Матвеева и до нас не дошедшая, являлась копией более раннего списка»⁵⁶. Предположение Алексеева оправдалось. Оригинал русского перевода был обнаружен в составе Ф. 155 РГАДА при подготовке к изданию четвертого тома «Вестей-Курантов»⁵⁷.

Запись, оставленная на сборнике переписчиком, позволяет нам установить сразу двух русских «читателей» европейской прессы XVII в. — Афанасия Холмогорскаго и А. А. Матвеева. Причем оба они знакомы с копией перевода из Посольскаго приказа примерно сорокалетней давности (сборник Матвеева не мог появиться ранее 1684 г.). А. А. Матвеев был знаком с иностранной прессой не только по переводам европейских газет. Когда в 1699 г. Петр I назначил А. А. Матвеева постоянным представителем в столице Соединенных Штатов Нидерландов Гааге, одной из его задач стала подготовка регулярных обзоров выходившей там прессы⁵⁸. В литературе Матвеева обычно характеризуют как яркаго представителя русских «западников». О нем одобрительно отзываются польскій автор «Дневника зверскаго избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрании двух царей Петра и Иоанна», а также австрийскій дипломат И. Г. Корб⁵⁹. Француз де ла Невилль, называющій Матвеева «мой друг Артамонович», пишет: «Этот молодой господин очень умен, любит читать, хорошо говорит на латыни, очень любит новости о событиях в Европе и имеет особую склонность к иностранцам»⁶⁰. В то же время Матвеев был религиозным человеком. В Гааге Матвеев основал первую русскую миссию при отечественном дипломатическом представительстве за границей. Священника для нее было указано подобрать Афанасию Холмогорскому⁶¹. Его московская домовая церковь по оценке иностранцев была

⁵⁵ Рождение империи. М., 1997. С. 379.

⁵⁶ Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. С. 93—106. В этой же статье (С. 106) Алексеев указывает другое русское переводное сочинение о Карле I (рукопись РНБ Q XVII. 11. 62 страницы в четверку). Столбцы с переводом третьяго «печатнаго листа» о казни Карла I сохранились в составе архива Приказа тайных дел (РГАДА Ф. 27. Оп. 1. Д. 64).

⁵⁷ Вести-Куранты. 1648—1650 гг. С. 82—85.

⁵⁸ Бычков А. Ф. Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855. С. 17; РГАДА Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Д. 9. Л. 1—72.

⁵⁹ Рождение империи. С. 20, 103.

⁶⁰ Невилль, де ла. Записки о Московии. Москва — Долгопрудный, 1996. С. 131.

⁶¹ Верюжский В. Афанасий, епископ Холмогорский. Его жизнь и труды. СПб., 1906. С. 571.

необыкновенно хороша и богата образами, серебряными вещами и другими украшениями⁶². Впрочем, богатство церковного убранства может свидетельствовать не об исключительной религиозности, а о влиянии на Матвеева культуры барокко.

Архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий так же, как А. А. Матвеев, был сложной и многогранной личностью. Начитанный человек, знаток греческого и латинского языков, он в сфере религии и многих бытовых сторон жизни выступал как традиционалист и ревнитель старины. С его именем исследователи связывают последнюю попытку на практике добиться исполнения запрета для иноземцев держать у себя в работниках русских людей. Это не мешало Афанасию приобретать иностранную мебель, ковры, зеркала, книги, карты, сочувственно относиться к преобразованиям Петра I⁶³.

Документы из архива Посольского приказа встречаются в записках окольничего И. А. Желябужского. Под 1696 г. в них среди других известий о войне с Турцией обнаруживается почерпнутое из составляемых в Посольском приказе обзоров иностранной прессы сообщение о разгроме турок и взятии Петром I Азова и Лютика: «В курантах почтовых печатных польских и немецких напечатано...». Под этим же годом Желябужский поместил скопированное в приказном архиве апокрифическое письмо 1663 г. от турецкого султана к императору Леопольду⁶⁴.

Хотя к 1696 г. Желябужский был отставлен от службы, появление курантов в составе его записок не случайно. Он много лет провел на дипломатической службе, бывал на Украине, в Польше, Германии, Голландии, Англии, Франции, Швейцарии, Италии⁶⁵. Наверняка многолетняя служба на дипломатическом поприще способствовала установлению личных связей со служащими Посольского приказа. Статейный список посольства в Англию и Италию П. Прозоровского и И. Желябужского (1662 г.) свидетельствует о том, что он участвовал в первых попытках русского правительства организовать регулярную доставку иностранной прессы в Россию: «А таких людей, кому б писат про вести и присылат куранты, в Аглинской и во Флоренской и в Виницейской землях не сыскано. Нихто за такое дело не ималис за далним путем. А ис Курляньские земли про всякие вести хотел писат канцлер курлянского князя»⁶⁶.

Основным источником наших знаний о личности Желябужского служат его записки. Анализируя их, А. П. Богданов и М. Д. Каган назвали его человеком Петровского времени, хотя и не вошедшим по каким-то причинам в число петровских служащих. Его записки формально анонимны (автор упоминает о себе в третьем лице, как принято в статейных списках), но по существу это мемуары, в которых современник изобразил Петровскую эпоху в ее противоречиях и многообразии. Среди характеристик, которые Богданов и Каган дали сочинению Желябужского, одна особенно важна для нашей темы. «Следует отметить, — пишут авторы словаря, — интерес Желябужского ко всему занимательному, составившему своеобразную «кунсткамеру» его записок. Это и упоминание о присланных в 1691 г. в подарок персидским шахом «льва со львицею живых», и рассказ о мужике, пытавшемся летать на слюдяных крыльях, приводившихся в движение мехами, и краткие описания торжественных шествий, триумфальных ворот, фейерверков, кощунственных свадеб царских шутов, а также заметки о необыкновенных явлениях природы — буре, комете, солнечном затмении»⁶⁷.

Те же самые переводы иностранной прессы, которые включил в свои записки Желябужский, мы видим и в сборнике с владельческой записью М. И. Родостанова⁶⁸. Его биография чрезвычайно интересна.

⁶² Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. С. 280.

⁶³ Верюжский В. Афанасий, епископ Холмогорский; Панич Т. В. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. С. 117–125; Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 135–150.

⁶⁴ Россия при царице Софье и Петре I. С. 243, 246. Подробнее см.: Waugh D. С. The Great Turkes Defiance. P. 165–166.

⁶⁵ Богданов А. П., Каган М. Д. Желябужский Иван Афанасьевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. С. 323–324.

⁶⁶ Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. С. 61.

⁶⁷ Богданов А. П., Каган М. Д. Желябужский Иван Афанасьевич. С. 325.

⁶⁸ Waugh D. С. The Great Turkes Defiance. P. 224–226.

В 70-х — начале 80-х годов XVII в. он работал писцом, потом подьячим на Печатном дворе, в 1683 г. — подьячим Верхней типографии, издававшей в основном труды Симеона Полоцкого. В 1685 г. Родостамов становится подьячим Посольского приказа. Таким образом, в 1696 г. он имел доступ к приказным документам. Более того, в Посольском приказе в его функции входило отправлять пришедшие в Москву из-под Азова известия о военных действиях к иноземцам в Архангельск⁶⁹ (вероятно, для отправки за рубеж).

Еще в 1674—1676 г. Родостамов в качестве писца участвовал в переводе Нового Завета. В 1685 г. он упомянут в документах как писец «Книги огнестрельного художества», переведенной в Посольском приказе с немецкого языка. Есть сведения и о его личных литературных интересах. В приписываемом ему сборнике содержится большое количество оригинальных и переводных стихов, несколько эпиграмм. Здесь представлены слова религиозно-нравоучительного содержания; включены беллетристические сочинения (например, фрагмент из Повести о Аполлонии Тирском, перевод сатирического польского произведения «Наука разных философов о обирании жены»); нашли место и официальные материалы (История о венчании Феодора Алексеевича; молитва «за их царское величество»; стихотворный панегирик Петру I); читаются два медицинских трактата⁷⁰.

Наблюдения Т. Н. Протасьевой над почерками сборника № 377 из Синодального собрания ГИМ позволяют нам выявить еще одного «читателя» иностранной прессы. Протасьева отметила, что страницы 150—233 рукописи написаны рукой Сильвестра Медведева или его писцом. Этим почерком сделаны выписки из хронографа, извлечения из кормчей, а кроме того, «Сказание о славном въезде Яна Третьего короля польского в город Краков генваря в 20 день и о погребении обоих полских королей Яна Казимера и Михаила Вешневицкого», «О погребении королевских величеств Яна Казимера, да Михаила Вешневицкого, которое с великою славою было в Кракове генваря в 21 день», «О королевском и королевине коронованеи, еже бысть в нынешнем во 184-м году генваря в 23 день в Кракове при многих сенаторах и рыцарства полского и при розных государей послех». Вслед за этими сообщениями идет переписанный уже другим почерком «Список переводнаго немецкого листа печатнаго писма» о том, как в Праге некий господин отобрал последнюю корову вдовы и за свои грехи был обращен во пса. Сборник датируется концом XVII в.⁷¹ Еще А. И. Соболевский определил эти тексты как переводы иностранной прессы⁷².

Сильвестр (в миру С. А. Медведев) начинал свою службу в Разрядном приказе. В 1658 г. его перевели в приказ Тайных дел. В 1665—1668 г. он учился в Заиконоспасской школе Симеона Полоцкого, а в 1668 г. вернулся к приказной службе и стал помощником знаменитого русского дипломата А. Л. Ордина-Нащокина. Матвеев сопровождал Нащокина на переговорах со Швецией и Польшей. В 1671 г., после опалы Нащокина, Медведев был вынужден перебраться в Путивльскую Молчинскую пустынь. В Москву он возвращается уже монахом Сильвестром после воцарения Федора Алексеевича и поселяется в келье Симеона Полоцкого, работает на Печатном дворе, а позднее в Верхней типографии. Еще при жизни Медведева противники обвиняли его в «латинстве». Однако интерес к Западу и пристрастие к латинской образованности не мешали ему быть консерватором в отношении религии и бытовых традиций. В своем «Созерцании кратком...» Медведев резко осуждает подобные нововведения. Проанализировав «Созерцание краткое...», А. П. Богданов показал, что Медведев благодаря своему положению и связям при дворе имел возможность достаточно широко использовать в своих работах приказные документы⁷³. С иностранной прессой Медведев, скорее всего, впервые столкнулся, еще работая с Нащокиным. Дело в том, что Нащокин не только сам активно пользовался европейскими периодическими

⁶⁹ Верюжский В. Афанасий, епископ Холмогорский. С. 535.

⁷⁰ Казан М. Д. Родостамов Михаил Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 312—313.

⁷¹ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Протасьева Т. Н. М., 1973. Ч. II. № 820—1051. С. 95—96.

⁷² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 242—247.

⁷³ Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 214—301.

изданиями, но и приложил много усилий для организации их регулярной доставки в Москву. Остаться в неведении об этом явлении европейской жизни помощник Нащокина просто не мог. Однако у нас нет никаких сведений о том, что Медведев проявлял интерес к иностранной прессе во время своей дипломатической службы. Рассматриваемый нами сборник относится к более позднему времени.

Если верно предположение о том, что Сильвестру Медведеву принадлежала библиография «Оглавление книг, кто их сложил»⁷⁴, то можно думать, что он был знаком с еще одним переводом из иностранной прессы. В «Оглавлении» среди переводов Епифания Славинецкого фигурирует сочинение «О убийении краля Ангельского — с латинска языка, с книжки в 8 изданая лета 7157»⁷⁵. Возможно, это перевод одного из роялистских памфлетов, в большом числе издававшихся после казни Карла I.

Имеющиеся в литературе различия в атрибуции писцовых почерков и отдельных произведений делают дискуссионным включение Сильвестра Медведева в число «читателей» иностранной прессы. И сборник № 377 Синодального собрания ГИМ⁷⁶, и «Оглавление книг, кто их сложил»⁷⁷ приписываются не только Сильвестру, но и Евфимию Чудовскому. Таким образом, основываясь на приведенных выше материалах, можно предположить, что среди «читателей» иностранной прессы был не Сильвестр, а Евфимий или что оба книжника знакомы с иностранными информационными изданиями. В данной статье мы будем придерживаться версии принадлежности этого почерка Сильвестру Медведеву как более вероятной.

Включить Евфимия Чудовского в число «читателей» иностранной прессы позволяет другая рукопись. Д. М. Буланин указывает, что «в рук. БАН, 16.14.24, л. 195–196 об. читается перевод Пророчества на гробнице Константина Великого, принадлежащий Чудовскому иноку Евфимию и восходящий к польскому печатному календарю («Написася сие из полскаго печатнаго календара на 1699 лето»)»⁷⁸. Это издание очень хорошо вписывается в комплекс антитурецких памфлетов, появление которых связано с продолжавшейся в то время войной против Османской империи.

Евфимий, безусловно, являлся одним из ярчайших представителей русской культуры рубежа XVII–XVIII столетий. Достоверные данные о нем появляются с 1651 г., когда он занимал должность справщика московского Печатного двора. В 1667 г. Евфимий уже был келарем Чудова монастыря — одного из важнейших центров русской книжности. Чудовский инок оставил после себя обширное и разнообразное литературное наследие⁷⁹. Знаток греческого языка, на публицистическом поприще он выступал как жесткий традиционалист. А. П. Богданов причисляет его к «мудроробцам»⁸⁰ и называет лидером «грекофилов». Евфимий был одним из противников проникновения в Россию латинской и польской книжности⁸¹. В этом контексте его интерес к переводу польского печатного календаря (хотя и содержащего греческое по происхождению сочинение) кажется особенно любопытным.

Среди столичных «читателей» иностранной прессы можно также назвать стольника Петра Михайловича Голохвастова, который в конце XVII в. владел рукописью, содержащей кроме текстов исторического, географического и религиозного характера «Подлинной список з бесчестного и з богомерского листа, которой турской салтан Магамет писал и преслал к немецким владетелем и ко всем христианским людем в нынешнем в 1663-м году»⁸². Во второй половине XVII в. многочисленный клан Голохвастовых играл заметную роль в придворной жизни⁸³. Сведений о самом Петре Михайловиче Голохвастове

⁷⁴ Панченко А. М. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. С. 359.

⁷⁵ Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. С. 92.

⁷⁶ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. С. 243.

⁷⁷ Исаченко-Лисовая Т. А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. С. 294.

⁷⁸ Буланин Д. М. Пророчество на гробнице Константина Великого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 541–545.

⁷⁹ Исаченко-Лисовая Т. А. Евфимий. С. 287–296.

⁸⁰ Богданов А. П. Русские патриархи. М., 1999. Т. 2. С. 224.

⁸¹ Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 297–299.

⁸² Waugh D. C. The Great Turkes Defiance. P. 229–235; РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1531.

⁸³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. XIII–XIV. С. 318, 336; Салмина М. А. Голохвастов Василий Яковлевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. С. 216; Седов П. В. Закат Московского царства. С. 14, 67–76, 235.

(если не считать информации о его земельных владениях) сохранилось крайне мало. Известно, что в 1654–1656 г. он участвовал в «литовском походе», а в 1656 г. ехал за царем от Могилева до Москвы⁸⁴. К концу столетия Петр Михайлович был уже довольно пожилым человеком.

В конце XVII — первых годах XVIII столетия мы находим читателей иностранной прессы не только в центральной России и порубежных городах, но и на русском Севере. Список с газетного известия о победе австрийских войск над турецкой армией 11 сентября 1697 г. под Зентой обнаружил Б. Н. Морозов в архиве торговых крестьян Шангиных (Ленская волость Яренского уезда). В конце XVII в. братья Иван Семенович и Андрей Семенович Шангины вели довольно крупную торговлю. В круг их предпринимательских интересов попадали и иностранные товары (перед, сукно и др.). В 1698 г. С. И. Шангин числился среди ценовальников, выбранных для таможенного сбора на Архангельской ярмарке. Для ведения торговли Шангиным приходилось не только нанимать работников, но и брать займы значительные денежные средства. Их кредиторами выступали видные представители приказной знати — думный дьяк Дмитрий Ерофеевич Алмазов, его брат думный дворянин Семен Алмазов, стольник князь Петр Иванович Прозоровский. Связи в бюрократической среде могли стать источником поступления в архив Шангиных известий из Европы⁸⁵.

Целый комплект переводных «вестей» содержит и обнаруженный Д. К. Уо сборник⁸⁶, который в первые годы XVIII в. составил житель г. Хлынова Семен Попов — автор Вятского временника, дьячок Богоявленского собора в Хлынове, исполнявший в 1700 и 1704 г. обязанности бурмистра. В сборник Попова наряду с текстами религиозного, исторического, географического содержания вошли апокрифическая переписка турецкого султана (1673, 1678), явление «пророков» на острове Мальта (1693), панегирик из гравюры «Морская картина» (1700), вестовые письма об Азовском походе и о смерти польского короля (1695, 1696), новости из Европы, включающие в себя рассказ о битве под Зентой (1697), описание приема «Великого посольства» в Митаве (1697) и др. В этой подборке известий есть также списки с первых печатных «Ведомостей» и списки с неопубликованных вестовых писем из военной канцелярии фельдмаршала Б. П. Шереметева. Хотя рапорты Шереметева могли быть получены от кабинет-секретаря А. В. Макарова, рассылавшего и другие материалы из Москвы, можно предположить существование особой связи между канцелярией Шереметева и кем-то на Вятке. «Дорога» для таких сообщений из Москвы все равно, видимо, лежала через местную приказную канцелярию. Попов сам был бурмистром, а один из его родственников исполнял обязанности подьячего в местной канцелярии. Любопытно, что «вести» за многие годы не подбирались постепенно, а были переписаны в 1704 г. К этому времени даже относительно недавние «новости» о войне с Турцией уже не являлись актуальной информацией. К 1704 г. Россия не только помирилась с Турцией, но и уже несколько лет воевала со Швецией.

Приведенные данные свидетельствуют, что случаи, когда «вести» из Европы через государственные приказы попадали в руки частных лиц (пусть даже и связанных с государственной службой, но не задействованных непосредственно в обработке поступающей в Россию иностранной прессы), были редкими, но повторялись регулярно. География распространения «вестей» по России довольно широка — Москва, Коломна, Псков, Вятка, Яренский уезд.

При обращении к содержанию привлекавших внимание россиян «вестей» становится очевидным преобладание «чудес» и памфлетов. Между тем в реально приходившем из Европы в Россию потоке информации материалы такого типа составляли абсолютное меньшинство. Данная ситуация вполне естественна. Сведения о политической жизни Европы были интересными только для людей, имевших непосредственное отношение к выработке и реализации внешней политики государства. Внешнеполитические известия становились актуальными для обычных россиян, только если они напрямую и остро касались России, как это было в годы войны против Турции. Однако и в этом случае выборка

⁸⁴ Голохвастов Д. П. Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 5. Отд. IV. С. 120.

⁸⁵ Морозов Б. Н. Архив торговых крестьян Шангиных // Советская археология. 1980. № 2. С. 57–61.

⁸⁶ Уо Даниэль. История одной книги. С. 94–96.

информации для «частного» чтения иногда выглядит весьма своеобразно. Желябужский из многочисленных известий иностранной прессы на турецкую тему выбрал сообщение о победе под Азовом, о которой в Москве узнали раньше, чем в Европе. Вероятно, для него был важен именно сам факт, что об этом событии пишут в европейской печати. Подобные публикации свидетельствовали о далеко разнесшейся славе русской армии. Апокрифическое письмо 1663 г. от турецкого султана к императору Леопольду тоже нельзя назвать «свежей новостью». Вряд ли стоит сомневаться, что опытный дипломат, имевший дело с «курантами» еще в 60-е годы XVII в., понимал, что вносит в свои «Записки» не подлинный документ, а политический памфлет. Как «доказательство» наличия противоречий между Турцией и Священной Римской империей он мог бы достать (или привести по памяти) подлинный документ или перевод из тех же процитированных им иностранных газет. Скорее всего, внимание Желябужского привлекло именно юмористическое содержание текста. Вятский книжник Попов переписывал новости о битве под Зентой также в качестве исторического материала.

Некоторую актуальность для «частного читателя» могли иметь «чудесные» вести эсхатологического характера. Однако сам факт копирования из европейской прессы новостей о наступающем конце света еще не является доказательством того, что данному известию доверяли. К примеру, в Посольском приказе достаточно быстро разобрались в подложности этих «новостей». Для 1730-х годов имеются сведения о том, что в разной культурной среде тексты о появлении в Европе Ильи и Еноха могли рассматриваться как всерьез, так и в качестве «курьеза»⁸⁷.

Курьезность известий придавала им вневременное значение. Они не становились менее интересными годы спустя. Мы знаем только один случай вторичного использования рассматриваемых материалов (на оборотах столбцов с известием о битве под Зентой из архива Шангиных были переписаны тексты религиозного содержания). В этом отношении оказавшиеся вне стен Посольского приказа переводы иностранной прессы больше напоминают не современные газеты, которые покупают более или менее регулярно и выбрасывают после прочтения, а, скорее, газетные вырезки, сохраненные для того, чтобы вернуться к ним позже. Таким образом, даже в самом конце XVII в. в России еще не сложилась специфическая аудитория «читателей прессы». Распространение отдельных переводов вне круга их профессионального дипломатического использования имело случайный характер и хорошо вписывается в рамки книжного чтения, с одной стороны, и «вестовых» (иногда подметных) писем — с другой. Причем последний вариант встречается гораздо реже.

Из приведенных материалов очевидно, что в XVII столетии проникновение переводов известий иностранной прессы в русскую книжность наиболее интенсивно шло в 80-х и особенно в 90-х годах. Безусловно, можно согласиться с предположением Д. К. Уо о том, что этому способствовали начатый в 1676 г. разбор архива приказа Тайных дел и растянувшаяся до 1683 г. передача его документов в Посольский приказ⁸⁸. Однако одного только факта большей, чем прежде, физической доступности текстов для объяснения данного явления недостаточно. Без соответствующего культурного запроса со стороны общества они просто не были бы востребованы. На наш взгляд, условия, приведшие к распространению в русской книжности переводов «курьезных» известий из иностранной прессы, лучше всего охарактеризовал А. М. Панченко: «Итак, интерес русских читателей могло привлечь “баснословие”, экзотика, цепь необычайных походов. Применительно к условиям XVII столетия это вполне понятно. В письменности той поры широко представлены всякого рода курьезы — сообщения о событиях, поражающих воображение. К такого рода заметкам относятся, например, статья “О человеке, за нечестие обращенном в Праге во пса” (выше Панченко называет этот текст “заметками из курантов”. — С. III.), которая проникла в позднее летописание, рассказ “О графине Альтдорфской”⁸⁹, которая

⁸⁷ Покровский Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–296; Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. С. 249–253.

⁸⁸ Waugh D. C. The Great Turkes Defiance. P. 159.

⁸⁹ Русские переводы «Повести о графине Альтдорфской» никак не связаны с иностранной прессой (подробнее см.: Державина О. А. Повесть о графине Альтдорфской в русских переводах XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской

единым порождением двенадцать чад породы” и прочее. Заметим, что такие заметки часто шли из Посольского приказа, попадали в “куранты”, целью которых была достоверная и актуальная информация о европейских делах. Это тот же интерес к раритетам, который характерен для барокко и в русской силлабике представлен “музеем редкостей” Симеона Полоцкого, а впоследствии отразился в практической деятельности Петра, создавшего знаменитую Кунсткамеру⁹⁰. Здесь следует отметить, что, несмотря на скудость источников, интерес не только к литературным, но и к вещественным «редкостям» прослеживается у многих «частных читателей» переводов иностранной прессы.

Несколько слов необходимо сказать о людях, которым посвящено данное исследование. Они представляли самые разные слои русского общества — боярство, дворянство, дьяческое сословие, стрельцов, посадских людей, торговых крестьян, церковных иерархов и рядовой клир. В целом это практически вся образованная часть русского общества того времени. Никак не влияли на знакомство с переводами иностранной прессы политические взгляды «читателей». Несмотря на бытующее в массовом сознании и учебной литературе представление о том, что русские люди конца XVII в. делились на прогрессивных сторонников Петра I и его отсталых противников, в нашем списке оказались Матвеев и Иванов, пострадавшие во время восстания 1682 г., а также Медведев и Желябужский, для которых роковым стало возвращение к власти Нарышкиных⁹¹.

Гораздо больше, чем сословное положение, на возможность доступа к переводам иностранной прессы влияло нахождение на государственной службе. Из 15 упомянутых в статье людей только для Исидора Крючкова оказалось невозможным найти какие-либо связи с государственной службой или людьми, на ней находящимися. Именно служебные связи открывали доступ к подобного рода документам. Здесь так же, как и во многих других случаях, государство создало условия для распространения нового культурного явления⁹².

Владельцев рукописей с «вестями» из иностранной прессы обычно отличал превосходный среднюю норму интеллектуальный и культурный уровень, высокая степень социальной или экономической активности. Вопреки ожиданиям, среди них не так много людей, которых можно было бы назвать «западниками». Даже А. А. Матвеев, неоднократно удостаивавшийся похвал от иностранцев за свою приверженность к европейской культуре, в отличие от многих русских «западников» XIX в. не только оставался православным, но, при определенных условиях, мог отстаивать перед государством традиционные формы русского благочестия (как это случилось при закрытии его домово́й церкви). Правильнее будет сказать, что большинство охарактеризованных нами людей в разной степени сочетали приверженность традициям с широким кругозором и открытостью для нового⁹³.

литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 376–381), однако в «переводах с курантов» XVII — начала XVIII в. сообщения о рождении близнецов встречаются регулярно (см. напр., обзор европейских газет 24 декабря 1729 г. АВПР Ф. 11. Оп. 11/1. Ед. хр. 186. Л. 359–361).

⁹⁰ Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969. С. 129–130.

⁹¹ Среди тех, о ком писали иностранные газеты, — погибший в 1682 г. А. С. Матвеев и оказавшийся в ссылке после возвращения к власти сторонников Петра I В. В. Голицын.

⁹² Было ли это осознанной деятельностью правительства или происходило случайно, вследствие недостаточно бдительной охраны архива дипломатического ведомства, для конечного результата не имеет значения.

⁹³ В противовес теории модернизации, в рамках которой принято противопоставлять характеристики «передовой», «прогрессивной», с одной стороны, и «отсталой», «ретроград» — с другой, Д. К. Уо вслед за Б. Латуром предложил называть людей, находящихся в состоянии перехода от старого к новому, между мнимой «современностью» и традиционностью, «не-современными» (non-modern) (см.: Уо Д. К. История одной книги. С. 17, 18, 253–261).